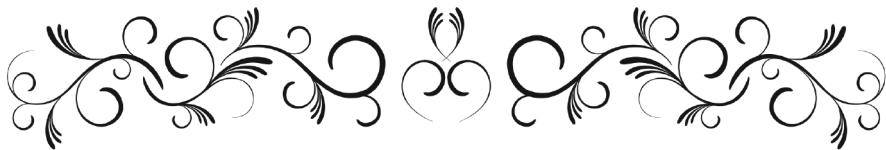

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Маленькие пилигримы	6
«Мы правда так жили... по большей части».	
Биографическая заметка	34
Пролог	82
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	84
Глава первая. Игра в пилигримов	85
Глава вторая. Веселого Рождества!	103
Глава третья. Мальчишка Лоренс	117
Глава четвертая. Разные ноши.	133
Глава пятая. Добрые соседи	149
Глава шестая. Бет в Украшенном Чертоге	163
Глава седьмая. Эми в Долине Уничтожения	173
Глава восьмая. Джо встречает Аполлиона	183
Глава девятая. Мэг на Ярмарке тщеславия	196
Глава десятая. Пиквикский клуб	216
Глава одиннадцатая. Эксперимент	228
Глава двенадцатая. Лагерь Лоренса	242
Глава тринадцатая. Воздушные замки	270
Глава четырнадцатая. Два секрета	282
Глава пятнадцатая. Телеграмма	295
Глава шестнадцатая. Письма	306
Глава семнадцатая. Добросовестная Бет	318
Глава восемнадцатая. Темные дни	328
Глава девятнадцатая. Завещание Эми	338

Глава двадцатая. Большая тайна	348
Глава двадцать первая. Лори проказничает, а Джо восстанавливает мир	356
Глава двадцать вторая. Приятные луга	370
Глава двадцать третья. Тетушка Марч решает вопрос	379
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Глава первая. Посплетничаем	393
Глава вторая. Первая свадьба	408
Глава третья. Муки творчества	418
Глава четвертая. Писательский путь	432
Глава пятая. Домашние хлопоты	444
Глава шестая. Визиты	462
Глава седьмая. Последствия	479
Глава восьмая. Наш иностранный корреспондент	492
Глава девятая. Дела сердечные	512
Глава десятая. Дневник Джо	526
Глава одиннадцатая. Новый друг	542
Глава двенадцатая. Сердечные муки	561
Глава тринадцатая. Тайна Бет	573
Глава четырнадцатая. Свежий взгляд	580
Глава пятнадцатая. На дальней полке	597
Глава шестнадцатая. Ленивец Лоренс	611
Глава семнадцатая. Долина смертной тени	627
Глава восемнадцатая. Пора забыть	636
Глава девятнадцатая. Полное одиночество	651
Глава двадцатая. Приятные неожиданности	661
Глава двадцать первая. Его светлость, ее светлость	679
Глава двадцать вторая. Дейзи и Деми	686
Глава двадцать третья. Под зонтом	694
Глава двадцать четвертая. Время урожая	710
 РЕЦЕПТЫ СЕМЬИ ОЛКОТТ	723
 ХРОНОЛОГИЯ СЕМЬИ ОЛКОТТ	729

ВВЕДЕНИЕ

Маленькие пилигримы

С

естры Марч из «Маленьких женщин», увидев свет раньше Тома и Гека, Джима Хокинса и Дэвида Бальфура, Дороти и волшебника и будучи лишь на три года моложе Алисы Льюиса Кэрролла, в сущности, стояли у истоков современной детской литературы. Мэг, Джо, Бет и Эми, впервые появившимся осенью 1868 года, было суждено породить бесчисленное множество литературных потомков. Редко какая книга для юных девушек — от романов Фрэнсис Ходжсон Бернетт до «Энн из Зеленых крыш»¹ и «Союза „Волшебные штаны“»² — не воздает должное Луизе Мэй Олкотт, и в особенности Джо Марч, оказавшая большое влияние на литературу для молодых женщин. Это теперь мы знаем, в какое масштабное наследие превратился образ четырех сестер Олкотт — выдуманные персонажи сидят у камина, а Джо ворчит из-за отсутствия рождественских подарков, — но тогда он выглядел незатейливым и почти беспersпективным началом.

Ставшие классическими произведения для детей нередко начинаются со сцен лишений и утрат. В детском романе как жанре сирот

¹ Montgomery, Lucy Maud “Anne of Green Gables” (1908); на русском произведение известно как «Аня с фермы Зеленые Крыши» (пер. Чернышова-Мельник Н., 2020); «Аня из Зеленых Мезонинов» (пер. Батищева М., 2014), «Энн из Зеленых крыши» (пер. Бернацкая В., 2024). — Здесь и далее прим. Евгении Абаевой (Е. А.), если не указано иное.

² Brashares, Ann “The Sisterhood of the Traveling Pants” (2001); на русском языке произведение вышло под названием «Союз „Волшебные штаны“» (пер. Бродоцкая А., 2022).

в избытке. От Тома Сойера у Марка Твена и Дороти Лаймена у Фрэнка Баума до Мэри Ленnox и Сары Кру у Фрэнсис Бернетт, от Поттера у Джоанн Роулинг до Бодлеров Лемони Сникета, юные герои, так уж получается, часто испытывают острую нехватку родителей. Те же, кому повезло сохранить в целости и сохранности и маму, и папу, обязательно сталкиваются с кучей других невиданных трудностей: от банд кровожадных пиратов до влияния злобного бестельесного гения. В таком контексте проблемы, которые в «Маленьких женщинах» изначально возникают у Мэг, Джо, Бет и Эми Марч, — отсутствие (надо заметить, временное) отца, какие-то недостатки характеров и проблемы с рождественскими подарками — могут показаться относительно заурядными. А еще очевидно, что в «Маленьких женщинах» нет ни одного персонажа, который хоть сколько-нибудь походил бы на воплощение Вселенского Зла. Четырем сестрам не приходится противостоять ни индейцу Джо, ни Злой ведьме, ни искусенному интеллекту, ни лорду Волан-де-Морту. Злодеи в книге — это завистливые одноклассницы Эми или редактор, который ради жажды прибыли советует Джо добавить в произведение побольше кровавой мелодрамы.

Однако, несмотря на столь очевидные препятствия на пути к выигрышу в лотерее «Невзгоды и Напасти», с момента публикации двух частей «Маленьких женщин» в 1868 и 1869 годах произведение жило и процветало. Причин тому была масса, и многие из них связаны с теми особыми чертами, коими обладает классика того времени, но которых столь явно недостает «Маленьким женщинам». Этот роман признает, что многие из наших самых могущественных врагов находятся внутри нас самих, и в жизни с гораздо большей вероятностью от нас потребуется одолевать собственные тщеславие, эгоизм или вспыльчивость, чем сражаться со злыми волшебниками и умерщвлять драконов. Отчасти поэтому роман не теряет своей актуальности. Книга имеет успех еще и потому, что подчеркивает ценность семьи. Причем не рисуя ужасы, что проис текают из-за ее краха, а скорее воспевая счастье, что приходит, когда члены семьи преодолевают разногласия и учатся любить и поддерживать друг друга. А еще, в отличие от многих более поздних классических произведений, отражающих жизнь американских подростков, переход ко взрослой жизни в романе в целом показан оптимистично. Гек Финн сбегает, обна-

ружив, что ограничения и развращенность цивилизованного общества ему совсем не по душе. Холден Колфилд в романе Дж. Д. Сэлинджера заканчивает свое повествование в психиатрической лечебнице. Согласимся, что порой в «Маленьких женщинах» речь идет больше о страхе взросления, чем о самом процессе. И конечно, болезнь и смерть не позволяют Бет Марч стать по-настоящему взрослой. Однако истории трех других сестер заканчиваются пусть и по-разному, но счастливо. Каждая нашла то место и, более важно, ту работу, что позволяют жить достойно. Фактически даже гибель Бет можно рассматривать не как уступку смерти, а как трансцендентную победу над ней. Она с мужеством, достоинством и спокойствием встречает свой конец, ее уход — символ, скорее, величия, а не поражения.

Важно понимать две особенности, которые вытекают из счастливого конца романа. Во-первых, Олкотт упорствует в том, что не все истории молодых женщин заканчиваются одинаково. Повествуя о таких разных судьбах Мэг, Джо и Эми, она отважно отстаивает мысль: счастливый конец — тот, на который может рассчитывать взрослеющая девочка, — далеко не один, их множество. В отличие от Мэг, которая находит удовлетворение в роли жены и матери, Джо раскрывает свои лучшие качества, основав прогрессивную школу Плам菲尔д. Эми, счастливо выйдя замуж за Лори, уделяет большое внимание искусству и благотворительности. Спектр вариантов счастливого конца у Олкотт, будь у нее на то желание, мог бы быть намного шире. Изначально она задумывала прописать для Джо полноценную жизнь в качестве одинокого литератора и уступила, лишь когда в издательстве *Roberts Brothers* ее убедили, что единственный коммерчески выгодный вариант — выдать Джо замуж.

Вторая особенность заключается в том, что ни одна из четырех сестер Марч не находит счастья в том, чего хотела изначально. Ближе к середине первой части, в главе под названием «Воздушные замки», каждая из девушек мечтает о своем будущем. Мэг, материалистка, ревностно грезит о «красивом доме с множеством роскошных вещей, вкусной едой, модной одеждой и хорошей мебелью. Чтобы было много-много денег и приходили приятные гости». Любительница книг Джо мечтает о «конюшне арабских скакунов, о библиотеке, заваленной книгами» и волшебной чернильнице, чтобы ее работам повезло снискать литературную славу. Бет

скромно просит лишь «жить дома с папой и мамой» и чтобы «все были здоровы и никогда не разлучались». Эми, начинающая эстетка, хочет «стать лучшей в мире художницей, поехать в Рим и нарисовать прекрасные картины». В конце романа не исполняется ни одно из этих желаний. Жестко отвергается даже робкая до боли мольба Бет о здоровье и единении. Если быть счастливым означает получать то, что хочешь, то, видимо, роман «Маленькие женщины» рисует не мир, где исполняются мечты, а скорее мир, где юношеские желания терпят крах. Но Олкотт представляет счастье более зрело. Сестры Марч, лишившись своих детских фантазий, не плачут. Они обретают мудрость, которая помогает при необходимости принять свою судьбу, и обзаводятся смелостью выстраивать при возможности менее эгоистичные мечты. Они находят счастье не в удовлетворении личных желаний, а в самосовершенствовании и служении другим.

Сестры Марч учатся быть реалистками, но это далеко не все. Даже обстановка, в которой они живут и растут, в отличие от множества других произведений детской классики, реальна без ком-промиссов. Джо и ее сестры с радостью сбежали бы от бедности и переживаний за судьбу отца, но Олкотт не создает как по волшебству ни страну Оз, ни Неверленд, ни Нарнию, где они могли бы спастись. И то, что этот роман не история о побеге — одна из самых сильных его сторон. Многие книги, которые по праву носят титул детской классики — сразу приходят на ум «Гекльберри Финн» и «Питер Пэн», — основаны на фантазиях о бегстве или избавлении или даже возможности вечно оставаться ребенком. Замечательные мальчишки — центральные персонажи этих книг, если надо, могут занять твердую позицию. Они в состоянии преподавать ни один урок о природе мужества. Но все же чаще они предпочитают сбежать подальше от ответственности, неприятностей, и даже от самой смерти. Мы любим их, хотя бы отчасти, за то, как гениально они от всего этого уворачиваются, порой благодаря чуду. Но пока многие из последователей Олкотт в детской художественной литературе предлагали решить проблемы героев, заставив тех сбежать в царство волшебства и фантазии, она сохраняет прочный барьер между воображением и действительностью. Мы любим сестер Марч, поскольку они остаются верны своим убеждениям. Иногда девушки все же пытаются сбежать — а именно это происходит,

когда они ставят пьесы, читают книги, играют на инструментах или просто забываются в иллюзорных мечтах о будущем — они не теряют ясного понимания, что реально, а что нет. И все же воображаемая реальность играет в «Маленьких женщинах» исключительную роль, и ключ к пониманию развития сестер Марч от периода детства до взрослой жизни заключается в том, как увлечение литературой влияет на интеллектуальный и эмоциональный рост персонажей. Сестры Марч во многом такие, какие они есть, благодаря тому, что они читали.

Чрезвычайно сложно вспомнить детское художественное произведение, в котором количество литературных аллюзий было бы больше, а их диапазон шире, чем в романе «Маленькие женщины». Чтобы в полной мере прочувствовать литературный контекст, в который Олкотт помещает семью Марч, нужно знать как минимум пять-шесть десятков авторов, на которых она либо намекает, либо открыто ссылается, а еще довольно профессионально владеть текстом Библии короля Якова. В мире, где существуют главные герои других классических романов для детей и о детях, часто нет места не только литературе, но даже грамотности. Сестры Марч, и в частности Джо, живут в абсолютно противоположном мире. Непрятязательные домашние постановки девочек стремятся подражать Шекспиру, а семейная газета берет пример с Диккенса. Мэг читает эзра Вальтера Скотта, Джо пересказывает Гарриет Бичер-Стоу, Бет цитирует Исаака Уоттса, Эми неуклюже использует сюжеты из греческой мифологии, да и, конечно же, сама Олкотт настойчиво проводит параллель между морально-нравственными сражениями сестер и более масштабными приключениями Пилигрима, описанными Беньяном. Если не принимать в расчет связь «Маленьких женщин» с Беньяном, о чем мы подробно расскажем чуть позже, литературные аллюзии в книге, каждая в отдельности, выглядят по большому счету случайными. У Мэг, по-видимому, нет особых причин читать «Айвенго», а у обожающей искусство Эми — посещать в поездке по Европе дом Гете или любоваться статуей Шиллера в ущерб любимым соборам и галереям. Однако частые литературные аллюзии в итоге дают нечто важное. Начать можно с того, что сестры Марч живут в мире, который сложен из историй. А у историй — по крайней мере тех, что цитирует в романе Олкотт — есть цель и ведущая к ней логика. Жизнь в окружении сюжетов по-

буждает расценивать свое существование как некий рассказ, изоби-
лющий лейтмотивами, превратностями судьбы и конечными
целями, к которым нужно терпеливо стремиться. Тот факт, что се-
стры Марч погружены в повествование, придает их жизни не толь-
ко интеллектуальное, но и нравственное содержание. Чтобы жить
осмысленно, у них должны быть свои истории, авторами которых
являются они сами, ежедневно создавая свои самосыывающиеся,
самоподтверждающиеся повествования.

То, что Олкотт вводит в роман литературные отсылки, кое-что
говорит и о ее собственном замысле. Даже в самом начале работы
над «Маленькими женщинами», полагая, что роман не найдет сво-
его читателя, Олкотт чувствовала, что к нему следует отнести-
сь со всей серьезностью, хотя писала она его для юной аудитории. Она
умышленно затрагивала самые разные литературные традиции
и смело заявляя о принадлежности своего текста к произведениям
искусства слова. За несколько поколений до того, как Т. С. Элиот
выдвинул это положение в своем эссе «Традиция и индивидуаль-
ный талант», Олкотт поняла, что произведение приобретает вес
и создает смыслы благодаря связям с произведениями прошлого.
К деятельности умов Западной Европы она приобщилась через
книги. А с Р. У. Эмерсоном, Г. Д. Торо, Н. Готорном и другими вы-
дающимися умами штата Массачусетс, которые на тот момент со-
ставляли значительную часть умнейших людей Америки, даже
была знакома лично. В результате в «Маленьких женщинах» пред-
ставлен грандиозный по масштабу свод разнообразных мыслей
и идей, и он выходит далеко за рамки того круга произведений
и писателей, которые могла бы знать юная аудитория Олкотт. Ведь
Луиза Мэй воспринимала свое произведение как первый шаг
на пути к большим высотам и не готова была встречаться со своими
читателями в той точке, до которой они уже дошли. Ребенок, чита-
ющий ее роман, вполне может полюбопытствовать, чем занима-
лись те авторы, которыми восхищается Джо. Роман «Маленькие
женщины» — в своем роде чудо. Но горизонты, которые он откры-
вает, еще чудеснее.

Хотя роман разделили на две части: «Маленькие женщины»
и «Хорошие жены», Олкотт на самом деле задумывала три. При на-
писании каждой части ею двигали разные мотивы, и понимание
этих сменяющихся задач — ключевой фактор при разгадке еле за-

метных сдвигов в смысловом наполнении романа. Когда Олкотт работала над первыми двенадцатью главами, она не рассчитывала, что книга будет иметь успех. Напротив, она возлагала весьма ничтожные надежды на свою рукопись, которую писала скорее для того, чтобы угодить редактору Томасу Найлзу, чем мечтая понравиться широкой аудитории. Олкотт впоследствии заявила, что первую дюжину глав написала лишь для того, чтобы доказать Найлзу свою несостоительность в качестве автора книги для девочек. Если поверить ей на слово, то именно в этих главах ее меньше всего заботило то, что подумает о произведении читающая публика. Отчасти полагая, что рукопись закончит свой путь в столе редактора, она, по всей видимости, писала, не ощущая потребности кому-то понравиться³.

Вторая часть книги — оставшиеся главы, которые вошли в опубликованную первую часть, — писалась уже с иными задачами. К тому моменту Найлз показал первые двенадцать глав своей племяннице, и та нашла их увлекательными. В итоге редактор убедил начинающую писательницу не бросать. Вдохновившись его горячим интересом, Олкотт стала выдавать главу за главой и завершила первую часть за считаные недели, хотя «голова раскалывалась от переутомления». Теперь книга явно представляла собой коммерческую затею... высокого качества, сомнений нет, просто с чуть большим расчетом на целевую аудиторию. Когда Олкотт писала вторую часть, ту, что увидела свет в 1869 году и которую чащу знают под названием «Хорошие жены», мотивы, что ею двигали, вышли по своей многоплановости на новый уровень. С одной стороны, восторг, с которым публика приняла первую часть, вселил в Олкотт небывалую уверенность в собственных силах. Так, первого ноября, в тот день, когда она взялась за продолжение, Олкотт написала: «Небольшой успех, но он так окрыляет, что теперь я вижу: семейство Марч — благоразумные и порядочные люди, и, поскольку я могу с энтузиазмом пуститься в будущее, воображение получает больше свободы». Убежденность в том, что за заключительной частью «Маленьких женщин» читатели выстроются в очередь, помогла ей ощутить, что можно тво-

³ К сожалению, нам не дано узнать, вносил ли Найлз правки в первые двенадцать глав романа, когда понял, что в его руках оказался предполагаемый бестселлер, и если вносил, то в какой степени.

рить смелее. Хотя мысль о том, что теперь нужно угодить публике, тяготила.

Сменяющиеся задачи при написании книги, которая в результате стала романом «Маленькие женщины», не прошли даром, их последствия заметны в самом тексте. Первая дюжина глав, которые, как ни парадоксально, Олкотт изначально считала скучными, описывают одни из самых ярких и запоминающихся во всем романе событий. Именно здесь девушки выходят на самодельную сцену в пьесе «Заклятие ведьмы»; здесь Эми — из-за недосмотра рассерженной Джо — проваливается под лед; здесь модные локоны Мэг, павшие жертвой неумелого обращения с горячими щипцами, растворяются как дым; и здесь Бет справляется и со своей робостью и покоряет сердце старого мистера Лоуренса. Именно эти главы, сочиненные без особой надежды на успех, Олкотт писала почти не испытывая давления. Рассказ ведется просто и бесхитростно, что прелестно вторит неискушенности самих сестер Марч — некоей наивности, которая постепенно испарится по мере того, как девочки будут все больше познавать этот мир. Складывается ощущение, будто Олкотт сочиняла эти главы ради личного удовольствия, щедро вплетая воспоминания о своей юности в самые яркие нити своего воображения и наполняя все нравственным здравомыслием, что приходит к людям, которые оглядываются назад на свои молодые годы.

Первые двенадцать глав «Маленьких женщин» относятся к числу самых совершенных творений Олкотт, но это еще не совсем роман. Каждую из глав можно читать по отдельности, словно серию рассказов, обладающих лишь условной связью. Если их что-то и объединяет, так это вопрос: будут ли девочки вести себя достаточно пристойно, чтобы не посрамить своего вернувшегося отца? Идея интересная, хотя, пожалуй, не слишком яркая, чтобы на ней построить целую книгу. Скорее всего, чувствуя, что задуманному не хватает связности, Олкотт создала видимость общего направления, вживив свои рассказы в уже существующую структуру, дополнив сквозными отсылками к «Путешествию Пилигрима» Беньяна. Очевидно, что лишь после того, как Томас Найлз пересмотрел свое мнение о произведении, Олкотт стала глубже задумываться о том, как превратить «Маленьких женщин» в многогранное, но единое целое. Уже в тринадцатой главе «Воздушные замки», видны

изменения. В этой главе Лори и сестры Марч начинают заглядывать, пусть и в форме мечтаний, чуть дальше завтрашнего дня. За исключением скромных желаний Бет, которая мечтает лишь о том, чтобы жить в своем доме и заботиться о родителях, цели других сестер чрезмерно несбыточны. Но в этом и вся прелесть. На самом деле никто не ждет, что Эми станет величайшей художницей в мире, а Джо достанется волшебная чернильница. Но даже самые дерзкие мечты все же раскрывают толику правды о тех, кто мечтает. Именно поэтому — причем гораздо яснее, чем раньше, — мы видим, что и Мэг, и Джо, и Эми полны амбиций. Глава «Воздушные замки» выдвигает на передний план несколько ключевых вопросов. До какой степени каждая из этих девушки сможет, если сможет в принципе, реализовать свое идеальное видение себя? И как далеко готова зайти Олкотт, которая по максимуму наделила девочек столь трогающими за душу желаниями, позволяя им осуществить эти порывы?

Эти вопросы особенно интересны читателям, которые почувствовали некоторое напряжение еще с самого начала романа. С того момента, как девочек попросили пожертвовать свои рождественские завтраки бедному семейству Хаммел, их постоянно вынуждали выбирать: исполнять свой долг перед другими людьми или удовлетворять собственные эгоистичные желания. Кажется, заранее предопределено, что от таких бедняжек, как сестры Марч, потребуют жертв и в дальнейшем, что им придется отказаться не только от праздничной еды, но и от своих самых заветных желаний, от самых сокровенных мечт. Отныне и впредь сестры Марч должны не просто угоджать своим родителям, их задача становится намного сложнее. Им придется приспосабливать свою жизнь, жизнь уже повзрослевших девушек, чтобы она соответствовала чужим ожиданиям, и при этом выстраивать ее так, чтобы она удовлетворяла их самих. Свои мечты девочки разглашают в злополучной тринадцатой главе, что может послужить смутным предзнаменованием для тех, кому нужно заблаговременно намекнуть, как именно может пойти соперничество между «я» и «другие люди». Именно в этот момент история девочек Марч приобретает столь необходимые для романа форму и направление развития. В какой-то мере именно в этой главе их история обретает смысл.

А еще во второй половине первой части кажущиеся далекими ужасы Гражданской войны обретают реальные черты. До сих пор война служила сюжетным приемом, благодаря которому мистер Марч находился за кулисами основного действия. В пятнадцатой главе приходят новости о его болезни на фронте, это говорит о том, что Олкотт стала размышлять о потенциальной аудитории своего произведения. Луиза Мэй часто опровергала, что писала ради заработка, она сочиняла произведения, которые должны были придавать ее молодым читателям сил и указывать жизненные ориентиры, и к этой своей обязанности подходила серьезно. Для Олкотт роман стал прекрасной возможностью передать опыт и подсветить вопрос, который имел для нее и ее аудитории огромное значение. Когда первая часть романа вышла в свет, с момента окончания войны прошло менее трех с половиной лет. Телеграммы, подобные той, что получила миссис Марч, часто с еще более мрачными новостями, наводнили всю страну. Да и сами Олкотты получили аналогичную телеграмму по поводу Луизы: в январе 1863 года, работая медсестрой в госпитале Джорджтауна, Луиза едва не умерла от тифозной пневмонии. Война унесла сотни тысяч мужчин, оставив без отцов таких же Мэг, Джо, Бет, Эми, число которых останется неизвестным, видимо, навсегда. И безусловно, разделить горе своих читателей в романе — одно из лучших применений, которое Олкотт могла бы найти для своего произведения. Тем, у кого есть свой мистер Марч, который никогда не вернется домой, у нее было что сказать о том, как продолжать жить дальше, не теряя твердости духа, хотя семья разрушена. Уже в начале романа Джо свойственна активная гражданская позиция: в первой главе она вяжет носки для солдат Союза. Во второй половине первой части Джо продает свои волосы, чтобы «обеспечить папу всем необходимым, и чтобы он вернулся домой», это была далеко не простая жертва; здесь можно провести аналогию, Олкотт тоже потеряла свои волосы: их сбрили, пока она пыталась выжить, сражаясь с болезнью, которую подхватила в больнице. Многие люди в годы войны приносили подобные жертвы и находились в подавленном состоянии, считали себя уродливыми или нелюбимыми, поэтому поступок Джо стал для них впечатляющим жестом солидарности.

Когда Олкотт готовилась к написанию второй части «Хорошие жены», она была в легком возмущении от реакции своих читателей.

Оказалось, людям вовсе не нужно, чтобы ее тексты укрепляли их моральные устои, напротив, они не скрывали своих консервативных взглядов на роль женщины в обществе. Основным источником раздражения для Олкотт стали письма поклонников (непомерное их количество) с общим лейтмотивом. Ее молодые читатели восторгались первой частью и не могли дождаться второй, в которой — похоже многие считали неизбежным — Джо выйдет замуж за Лори.

Одна только мысль об этом возмутила Олкотт. Писательница отожествляла себя с Джо, и предположение поклонников, что единственный возможный счастливый конец для ее героини — вступить в брак, не просто оскорбляло твердую веру Олкотт в женское равноправие, но и намекало, что личное счастье незамужней Олкотт было бы более истинным и полным, если бы у нее был муж. Луиза Мэй купалась в читательском обожании и вместе с тем метала громы и молнии по поводу людской ограниченности. «Девушки в письмах интересуются, за кого выйдут замуж маленькие женщины, словно это единственная цель и смысл жизни женщины», — ворчала она. — Я не стану выдавать Джо за Лори, лишь бы кому-то угодить». Но издательство *Roberts Brothers* настаивало на том, «чтобы женили и выдавали замуж всех и вся». Требование подобрать супруга для Джо приводило Олкотт в отчаяние. Она понимала, что из-за своих принципов может лишиться продаж, поэтому в конце концов Олкотт согласилась. Писательница использовала юмор, к которому часто прибегала, когда жизнь становилась слишком сложной, чтобы разбираться с проблемами с серьезным лицом. «Из-за упрямства» и во многом вопреки своим личным желаниям она состряпала профессора Баэра, ловко придумав «смешную партию»⁴ для Джо. Но такой компромисс все равно раздражал. Когда остроумная подруга предложила назвать вторую часть романа, посвященную замужествам, «Свадьбы Марчей», это не очень повеселило Олкотт.

Спор о том, должна ли Джо выйти замуж за Лори и должна ли выходить вообще, демонстрирует, что текст романа стал предметом борьбы и переговоров, затрагивавших личный замысел Ол-

⁴ Louisa May Alcott to Elizabeth Powell, March 20, 1869, *The Selected Letters of Louisa May Alcott*, p. 125.

котт, отношения с издателем и чувство долга перед читательской аудиторией. Прежде чем взяться за вторую часть, Олкотт поведала одному репортеру, что она с радостью писала бы лишь «такого рода истории», но это невозможно, поскольку этот жанр «оплачивается хуже мусорного чтива». Правда, последующие месяцы и годы, доказавшие, что этот жанр действительно может приносить деньги, поубавили ее расположения, даже наблюдалась отстраненность Олкотт. К 1878 году она совершенно изменила свое мнение. «Мне не нравится писать “нравоучительные романы” для подростков, — призналась она, — я занимаюсь этим, поскольку мне хорошо платят». До самых последних дней Олкотт надеялась почувствовать себя достаточно финансово независимой, чтобы писать то, что хочет сама, а не то, что купит читатель. И хотя по богатству и славе она не уступала ни одному американскому автору того времени, эту уверенность она так и не почувствовала. Ей не удалось сгладить повсеместно распространенное противоречие между устремлением автора и запросом общества. Как и в душах созданных ею персонажей, авторские желания боролись со вкусами и ожиданиями других людей.

Помимо дискуссий о замужестве Джо, остались весьма скучные письменные свидетельства, по которым сложно судить как еще Олкотт могла изменить концепцию книги в угоду своей аудитории. Впрочем, справедливо будет отметить, что «Маленькие женщины» стали воплощением того, какой Америка конца 1860-х годов хотела бы себя видеть на страницах литературного произведения, и что Луизе Мэй Олкотт удалось прекрасно показать свой писательский талант. Книга демонстрирует поразительный баланс между реформаторским видением будущего страны и умением утешить читателя. «Маленькие женщины» призывают к скромности и умеренности, отстаивают необходимость поддержки освобожденных рабов и пропагандируют благотворительную деятельность любого рода; роман явно стремился подтолкнуть страну к пути гуманизма и добродетели. Роман показывал, что семья — это прочная и непоколебимая основа общества. В последней главе романа Джо произносит слова, которые в принципе являются кульминацией всего, что хотела сказать читателю Олкотт: «Семья — самая прекрасная вещь на свете!» Однако писательница тут же добавляет, что Джо высказалась, будучи на тот момент